

Метафизика будущего мира и реальность

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Трудно выступать по докладу, столь объемному и многослойному. По сути, каждый поставленный А.И. Неклессой вопрос провоцирует на рефлексию и соответствующую реакцию. Поэтому выскажусь прежде всего о своем общем впечатлении от доклада.

Избранный автором философский подход к теме представляется мне очень полезным. В условиях теоретического разброда и неопределенности нужна именно философская концепция, а значит, нужны попытки целостной оценки происходящих трансформаций, необходимы на высоком уровне абстракции размышления о том, где же мы находимся и куда движемся.

Автор говорит, что мы находимся на распутье. По всем признакам это действительно так, что видно и в тех дебатах, которые у нас происходят. При объяснении причин «распутицы» важно выделить два определяющих фактора. Один — это сумбур в головах, вызванный кризисным состоянием нашего российского общества — в широком масштабе. Столько лет было все ясно, в духовной сфере господствовала одна идеология, которая все проблемы расставляла по полочкам. И вдруг над обществом пронесся вихрь идеологического плюрализма. Появилось множество разных точек зрения, головы закружились от обилия инакомыслия. Идеологический сумбур искусственно усугубляется эпатажным характером теоретических споров и дискуссий. Невозможно привлечь внимание к выступлению на конференции, в печати или по телеви-

дению, если в нем не содержится чего-то экстравагантного или сенсационного. В таких дебатах утрачивается не только разум, но нередко и здравый смысл. Поиск истины подменяется словесной эквилибристикой. Ничего плодотворного из подобного идеологического сумбура не извлечешь. Видимо, такой этап надо пережить, чтобы вернуться к приоритетам научного подхода.

Но существует и другой фактор, определяющий кризис общественного сознания и гуманитарной науки. На него, как мне кажется, докладчик больше всего обращает внимание. Это фактор глубокой трансформации самого социума. Сегодня мир в целом, и Россия — в особенности, переживают эпоху существенных качественных перемен, которые, скорее всего, кардинально меняют привычные векторы общественной жизнедеятельности и социального развития. Мы на каждом шагу сталкиваемся с новыми необычными явлениями и процессами, которые не укладываются в уже сложившиеся схемы и представления. В то же время, новых социальных практик явно недостаточно для того, чтобы нарисовать целостную картину завтрашнего дня. Можно только, как образно выражается автор, «наметить пунктирные тропы в будущее».

В этой ситуации открыт простор для «виртуального мышления», для воображения и фантазии. Целостную картину глобального социума можно создать лишь с помощью домысливания. И это очень важно для методологии познания действительности, пусть даже впоследствии многое в этой картине окажется заблуждением. Но она продвинет процесс осмысления наметившихся сдвигов и позволит повлиять на них в нужном направлении. Исходя из этих соображений, доклад заслуживает позитивной оценки как некое побуждение к размышлениям по ключевым проблемам социальной философии трансформирующегося социума.

Но достоинство доклада, выражающееся в смелости философского воображения, оборачивается, по-моему, и рядом

весьма существенных недостатков. Дальше я и хочу сказать о некоторых своих несогласиях с концепцией докладчика.

Автор изображает абстрактную модель как нечто прямо противоположное тому, что существует ныне. «Модерн», т. е. современность, противопоставляется «постмодерну» как чему-то совершенно иному, лишенному всякой определенности. Думаю, что прав В.Э. Багдасарян, утверждая, что, пожалуй, нет оснований для столь полярного противопоставления. Поскольку постмодернистское будущее не укладывается в известную триаду развития – дикость, варварство, цивилизация, – докладчик вводит в схему четвертую фазу, называя ее «плазменным состоянием». Вывод этот очень опасен — как для социальной философии, так и для науки вообще. Не означает ли «плазменное состояние» увековечения того самого распутья, с описания которого начинается доклад? Ведь «плазменное состояние» по существу категорично закрепляет наиболее уязвимую идею постмодернистской философии об абсолютной релятивности всего происходящего. Плазменное состояние, исключая какие-либо константные узлы или величины, исключает и научное видение мира, остается лишь простое описание вечно текущих фактов и событий. Это тупиковое направление для науки. Даже многие представители постмодернизма пытаются избегать крайних выводов релятивизма.

Другая нестыковка в докладе касается связи времен. В предлагаемой концепции будущее не связано с настоящим. Между ними нет перехода. Как свершится переход от нынешнего состояния, от «цивилизации» к «плазменному состоянию»? Вопрос повисает в воздухе. Ответа нет. Имеет место разрыв исторической преемственности, некий исторический hiatus. Такой подход и прежде был присущ радикальным революционным концепциям, полностью отторгавшим существующую реальность и пытавшимся строить «светлое будущее» с чистого листа. Для них «революция» означала полный разрыв с прошлым и олицетворяла hiatus между прошлым

и будущим. Докладчик избегает термина «революция». В результате концепция перехода к будущему витает где-то в облаках. Сам переход предстает как некий мистический скачок, истоки которого по весьма туманным намекам отнесены к необъяснимым изменениям в биологической природе человека.

Мне импонирует приверженность докладчика к рациональности. Он не отрекается от нее, а только говорит о «новой рациональности» постмодерна. Правда, остается подозрение, что содержание этой рациональности выхолащивается в постмодернистском духе. В докладе сказано, что «новая рациональность» исключает категориальность. Именно категориальность, а не категоричность, с чем можно было бы согласиться. Исключается и «выверенность оценок». Но как же это? Наука немислима без общих понятий и выверенности оценок. Другое дело, современная действительность демонстрирует гораздо большую значимость релятивности оценок, чем казалось рациональному мышлению в недалеком прошлом. Но они не могут не быть окончательными. Все мы знаем, что это релятивно, относительно, может развиваться, но рациональности не может быть, если нет этих понятий. Автор как бы сам себе противоречит.

И последнее, что вызывает у меня наибольшее несогласие. Это вводимое докладчиком понятие новый «амбициозный класс», к которому он испытывает особую симпатию и который, судя по контексту, должен выполнить миссию творения будущего. Этот класс представлен в докладе как когорта избранных, занимающих ведущие позиции в обществе, а все остальные составляют «безликий хор статистов». В сущности, в докладе воспроизводится социальная структура, описанная в романе Курта Воннегута «Механическое пианино» (в русском переводе — «Утопия 14»). Творение «амбициозного класса» предстает как меритократическое общество, в котором работа — это привилегия меньшинства, слоя самых талантливых людей, индиго. Только они смогут реализовать

себя в творческом труде. Остальные — это потребители. Они живут в достатке, развлекаются плодами массовой культуры, но лишены радости творческого освоения мира. Можно смириться с утопией, которая далека от реальной действительности. Но нельзя согласиться с утопией, которая ориентирована на потерю безграничных возможностей коллективной креативности.

Вполне логично, что меритократическая парадигма в докладе сочетается с идеей исчерпанности демократии. В будущем обществе для демократии места нет. Разумеется, демократия как форма политического правления исторична. Нынешняя модель представительной демократии (шумпетерианская модель) переживает глубокий кризис и, возможно, действительно исчерпала себя. Но это не конец демократии. Передовая общественная мысль ведет поиск других форм народовластия, отвечающих новым реальностям и развивающихся в общем русле глубокой трансформации современного общества. Невозможно даже представить, что в будущем обществе демократия исчезнет, т. е. люди утратят стремление свободно и сознательно решать вопросы своего общественного устройства и жизнедеятельности.

Философское видение мира завтрашнего дня очень важно — как для понимания того, что происходит сегодня, так и для мотивации нашего нынешнего поведения. В этом актуальность философской футурологической метафизики. Но все же, осмысление этих метафизических проблем должно опираться на прочный каркас анализа вполне реальных тенденций развития сегодняшнего реального мира. Иначе метафизика утратит связь с реальностью и незаметно превратится в некую увлекательную интеллектуальную игру для утонченных умов, далекую от тех забот и рисков, которые волнуют современное человечество.